

Алэн Акоб

Пёстрые эскизы

16+

АЛЭН АКОБ

**Пёстрые эскизы.
Сборник рассказов**

«Автор»

2020

Акоб А.

Пёстрые эскизы. Сборник рассказов / А. Акоб — «Автор», 2020

Рассказы, новеллы, эссе, размышления о вечном, о любви и о наших заботах в поисках счастья.

© Акоб А., 2020

© Автор, 2020

АЛЭН АКОБ

Пёстрые эскизы. Сборник рассказов

Грустная Лэйда

Нежное тепло весеннего солнца, усиливаясь, приближало полдень как могло, часы уже показывали без десяти двенадцать. Верные своим привычкам посетители небольшой кафешки, расположенной в многолюдной части города, занимали места за квадратными столиками, стараясь подсесть ближе именно к той части террасы, сколоченной из эвкалиптовых досок, где было больше тепла и света, чтобы, подобно солнечной батарее, как можно больше набрать энергии от этой щедрой планеты. Лишь только один посетитель со странными усами, напоминающий кота, закутанный в серый плащ с ног до головы, на упрямой голове которого сидела огромная чёрная шляпа с широкими полями, нетерпеливо елозил на стуле в тени под навесом, с интересом наблюдая за посетителями. Он покурил тонкие сигаретки, дым которых отдавал мазутной гарью. Чашечка с кофе, что стояла перед ним, выливаясь, поднимала тонкую струю снизу вверх, наперекор всем законам физики, прямо ему в рот. Странно, но никто на него не обращал внимания, можно было подумать, что он прозрачный. Как оказалось потом, это было только до поры до времени. Пепел от сигаретки он стряхивал в ладонь и, когда его образовывалась небольшая горка, сдувал на людей, отчего те начинали чихать, чем вызывали безудержный смех с его стороны, напоминающий ржанье необъезженного мустанга.

Как обычно, в это время за один из столиков садилась интересная женщина неопределённого возраста с большими задумчивыми глазами. Она брала чашечку кофе, немного сахара, слегка мешала его ложечкой и пила маленькими глотками, погружаясь в свои невеселые мысли. Лицо ее становилось тогда печальным, иногда оно светлело от добрых мыслей, от чего она выглядела еще более привлекательной. Ее звали «Лэйда с грустными глазами». Когда-то давно она рано вышла замуж по совету родителей, которых очень уважала, совсем не по любви, за одного невзрачного, обеспеченного человека, занимавшего хорошую должность, и стала жить с ним в надежде создать хорошую семью и иметь много детей. Потом ей даже стало казаться, что она любит его, как это бывает всегда со всеми людьми, имеющими кроткий характер. Муж ей изменял, временами, когда бывал не в духе, кричал, обзывал дурой, даже при детях, которым она отдала всю свою оставшуюся любовь. О похождениях мужа она думала, что это, может, в порядке вещей, ведь вокруг полно людей с одинаковыми проблемами – и ничего, живут себе. Со стороны их семья казалась даже очень благополучной, но если убрать её привязанность к детям, то жизнь Лэйды была грустной и пустой. Как любая нормальная женщина, она, конечно, мечтала о своём счастье, однако, как многие люди, ясно себе не представляла, что это такое и в чём оно заключается.

Вот уже месяц почти каждый день в полдень она встречается за чашкой кофе с интересным человеком, с которым случайно познакомилась, когда читала японскую поэзию – её ей дала почитать соседка. Он проходил мимо, заметил на обложке японские иероглифы, резко остановился, на него тут же сзади налетел гарсон с полным подносом использованной посуды. Рубашка и брюки оказались полностью залитыми кофе и водой. Она встала, инстинктивно, не соображая, начала вытирать салфеткой пятна на одежде, чем необыкновенно смутила его. Извинившись, он ушёл в туалет, чтобы привести себя в порядок, и возвратился через пару минут с мороженым на двоих, сел напротив неё, бесконечно благодаря и извиняясь за причинённое беспокойство, стал рассказывать о японской поэзии и литературе, а она слушала его молча и молила Бога, чтобы он не задал какой-нибудь вопрос о Стране восходящего солнца, потому что в этом она соображала, как повар в квантовой физике. Очевидно, он работает в одном из близлежащих офисов, подумала тогда она, всегда аккуратно одет, прилично выглядит, любезен, а главное, с ним было интересно общаться, разбирался в живописи, увлекался

японской литературой и классической музыкой. Теперь каждый раз она приходила на десять минут раньше, боясь опоздать, занимала то же самое место, пила маленькую чашечку кофе, пока он не придёт, и ещё одну чашку с ним, которую заказывал он для обоих. Вот и сейчас она узнала его издали – с небольшим букетом недорогих цветов. Её лицо сразу озарила счастливая улыбка.

– Это вам, Лэйда, – изящно протянул он букет.

– Ой, ну что вы, Артур, не надо было, – принимая, сказала она. – О, какие красивые цветы!

– А ведь сегодня своеобразный юбилей, ровно месяц, как мы познакомились, теперь каждый день встречаемся в этом кафе, в одно и то же время, символично, – сказал он, присаживаясь за столик. – Два кофе и немного виски для меня, – обратился он к гарсону.

– Вы очень внимательный, хороший друг, знаете, мне всегда везёт на друзей, – сказала она, делая последний глоток кофе.

– Послушайте, Лэйда, может, заказать что-нибудь выпить, тут же есть вино у них, наверное. Гарсон, гарсон, – позвал он, не дожидаясь ответа.

– Артур, вам ещё на работу, наверное, – удивилась Лэйда.

– А знаете что, ну её, эту работу, давайте купим бутылку хорошего вина, возьмём номер в отеле и отпразднуем этот день, как нормальные люди, – он накрыл её руку своей.

– Послушайте, милый друг, можно я вас теперь буду так называть, я, конечно, вас понимаю, – не убирая руки, начала она, – но, как я вам уже говорила, у меня супруг, которого я уважаю, дети, которых я безумно люблю. Очень жаль, что я вас не встретила раньше, не судьба, – она тряхнула головой, как бы отгоняя какие-то мысли. – Это невозможно, вы понимаете, и простите меня Бога ради, если я вас обидела, мы останемся хорошими друзьями, вы и я.

– Да нет, что вы, Лэйда, – погрузнев, сказал он. – Какая обида может быть, это я подумал, что после стольких встреч с вами я мог бы на что-то рассчитывать. Не предложить вам было бы просто бестактностью с моей стороны, ну, как вы говорите, не судьба, ну а в дружбу между мужчиной и женщиной мне очень хотелось бы верить, – заключил он, выпив залпом весь кофе.

– Артур, тогда нам остается только одно – ещё раз встретиться в следующей жизни, – пошутила Лэйда.

– Да, только знайте, там я вас не упущу на этот раз, – стараясь выдавить улыбку, пообещал он. – Будьте спокойны, Лэйда!

Неожиданно для обоих мягкой походочкой из-за дальнего столика к ним подошла тёмная личность, напоминающая кота. Вкрадчивым голосом, настолько тихим, что к нему надо было прислушиваться, и настолько твердым, что не позволял возражения, он спросил:

– Откуда такая уверенность, что есть следующая жизнь, да и к тому же в том, что вы там встретитесь, откуда она? А не лучше ли было бы, если бы вы немного подумали о себе, например, вкусно ели, мягко спали, меньше думали о детях – они сами вырастут, без вашей помощи, ещё и забыть вас успеют, когда вырастут, ипотека, проплатили или нет, – хмурясь, продолжал он, – не отказывать себе ни в чём, ни в любви, ни в выпивке, ведь ваша жизнь настолько коротка, что вы даже представления не имеете об этом. Вы родились, чтобы умереть, когда – не знаю. Вы только и делаете, что работаете всю жизнь, оставляя здоровье на станках или в пыльных кабинетах, чтобы в старости пить таблетки и сожалеть о любви, что прошла рядом, оставив тлеющие руины одиночества в душе и тело с потерянными здоровьем.

Артур и Лэйда внимательно слушали его, она попыталась даже возразить ему в чём-то, но язык перестал повиноваться, губы онемели, налились свинцом.

Растопортив усы, от чего он ещё больше стал напоминать взъерошенного кота, незнакомец глубоко затянулся своей сигареткой и пустил облачко сизого дыма им прямо в лица. У Артура с Лэйдой появился удушливый кашель и так же внезапно исчез.

– Что это было? – хрипя, спросил Артур.

– Аллергия, наверное, – еле отдышавшись, предположила она.
– Лэйда, прости, но мне надо идти.
– Да, конечно, у тебя дела, наверное, не задерживайся, спасибо тебе за цветы.
– Прощай, Лэйда, – сказал он, уходя, теряясь в толпе.
– Прощай? – удивилась Лэйда. – Почему прощай? Почему я на ты с ним? – почувствовав тревожное. – Почему прощай, Артур, а завтра разве ты не придёшь? Не оставляй меня одну, Артур!

Она примчится сломя голову, конечно, на следующий день и будет его долго ждать, до самых сумерек, но он не появится, не придёт и на следующий день, и потом тоже его не будет, пройдёт целый месяц одиночества, за тем же столиком, на том же месте. Несколько любопытных мужчин попытаются с ней познакомиться, безрезультатно, были отвергнуты сразу. А потом она заболит, будет метаться в жару и звать его по имени, чем озадачит сварливого супруга, который ей житья не даст в приступах теперь уже почти каждодневной ревности. А ей покажется, что, пока она болела, он приходил и не застал её на месте, тогда в отчаянии, как только почувствует себя лучше, придёт и напишет маркером на столике свой номер телефона. Он, конечно, не позвонит, а позвонит пара балагуров, предлагая ей эротические гадости, она поменяет номер телефона и напишет на том же столике в отчаянии: «Я жду тебя, Артур, я согласна, твоя Лэйда». На следующий день надпись будет стёрта наждачной бумагой, так как была написана нестирающимся маркером, а её попросят из кафе за порчу инвентаря. Тогда под покровом ночи она придёт и напишет те же самые слова на двери, и эту надпись тоже сотрут, дверь покрасят. Как-то утром, умываясь, она долго будет долго смотреть в зеркало своими грустными глазами, заметит седину на висках и поймёт, что Артура больше никогда не увидит. Тогда купит детские цветные карандаши и будет рисовать его весь день, порвёт рисунок и снова нарисует. Муж всё поймёт и её поколотит. Несмотря на боль, страх, она всё равно упорно будет рисовать, ломая карандаши и стирая бумагу до дыр.

Море синее и небо высокое, лес да океан, и на всех этих детских рисунках – он и она, вместе, за руки взявшись, с бутылкой вина и цветами в руках идут к своему невозможному счастью.

Он, она и космос

Он сидел перед выключенным экраном телевизора и думал о том, что сегодня утром, когда менял тормозные колодки в автосервисе, мастер предложил заменить ему и задние покрышки одновременно за полцены, а он, не подумав, отказался от такого неожиданного, но заманчивого предложения. Она сидела недалеко от него за столом, покрывала ногти розовым лаком и думала о том, что вчера выщипала себе все брови и нарисовала новые чёрным карандашом, а он даже не заметил.

Поднимающаяся ввысь, полная тайн и загадок холодная пустыня усеяна мерцающей звёздной россыпью, космическая станция, астронавты, слегка покачиваясь от невесомости, потихоньку один за другим выходят в открытый космос, им предстоит нелёгкая задача – ремонт гигантского телескопа. Прекрасно понимая, что малейшая ошибка с их стороны может привести к фатальному исходу и провалу операции, к которой они столько готовились и которую должны завершить в срок, они вынуждены быть крайне осторожными. За их спиной, там, далеко на Земле, остались учёные, врачи, инженеры, которые следят за каждым их шагом, но помочь ничем не смогут, слишком большое расстояние разъединяет их, у них нет никакого права на ошибку. Каждое движение в скафандре приносит неудобства и требует невероятных усилий даже для того, чтобы просто затянуть гайку на болте, кидает в противоположную сторону от каждого поворота ключа, а ещё и космический мусор вокруг, готовый изорвать в клочья скафандр, в котором и так трудно пошевелиться. После изнурительного труда, когда, уставшие, они возвращались в свой космический корабль, один из астронавтов заметил, что пропала камера, кнопка на скафандре, которая её удерживала, сломалась, и аппарат незаметно

уплыл в космос. Делать было нечего, пришлось смириться с этой досадной потерей. Ещё одним фрагментом космического мусора стало больше в космосе.

«

И всё-таки жаль, что я не согласился поменять покрышки, скоро зима, а они почти лысые», – продолжал думать он. «А который сейчас час? Может, голову всё-таки помыть, или завтра помою... Нет, лучше сейчас, нет, поздно, завтра помою», – думала она. А потом они оба пошли спать, обнялись и прижались друг к другу, и улетели в космос, в мусор причёски, маникюр, тормозные колодки с покрышками... Остались только он и она и их тела, слившиеся в единое целое.

Утром, стоя у зеркала после душа, она подумала: «Хорошо, что я не помыла голову вчера, сейчас волосы были бы полностью растрёпанными». Выходя утром из дому, он заметил скопление людей около своей машины. Он подошёл поближе, и то, что он увидел, привело его в ужас: крыша машины была пробита насквозь каким-то чёрным предметом, напоминающим метеорит, от сиденья шёл лёгкий дымок, пахло гарью. «Хорошо, что я не поменял вчера задние покрышки», – подумал он.

Две судьбы на остановке

Наташа Семенович, слегка переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо стояла на остановке, ожидая свой автобус немного в стороне от всех, в огромных синих очках, которые были настолько большие и тёмные, что невозможно было понять, на кого она смотрит, если вообще она смотрела на кого-то. Сильно жали новые туфли, которые она покупала каждый раз, когда у неё был сильный стресс. Вот и сейчас импульсивная покупка просто сводила её с ума своим дискомфортом, ей хотелось лишь одного – зайти в автобус, сесть на сиденье и снять проклятую обувь. От неё шёл тонкий аромат дорогих духов, и одета она была если не по последней моде, то со вкусом: тёмная юбка с разрезом оголяла бронзовые колени овальной формы, лёгкая ситцевая кофточка многообещающе выделяла щедрые формы молодого тела, оригинальные серёжки в виде маленького скрипичного ключа, слегка покачиваясь, поблескивали в ушах, дополняя оригинальный гардероб молодой женщины.

Она совсем недавно, неделю назад, развелась с мужем, и настроения у неё не было никакого, почти на грани депрессии.

Чуть подальше от неё на остановке стоял молодой человек в светло-сером костюме, с папкой в руке, его звали Сергей Семёнович Наумов, был он страховым агентом и тоже недавно разведён. Развод был тяжёлым, длился целых три месяца с ежедневными скандалами, истериками и сценами ревности.

Два незнакомых человека на автобусной остановке, две судьбы, никогда не пересекавшиеся между собой, но похожие друг на друга до невероятности насыщенными событиями в жизни, которые оставляют неизгладимый след в душе, банальные до оскомины людские истории. Первым, кто проявил интерес к противоположному полу, была она. «А что, даже неплохо выглядит, – подумала Наташа. – Элегантен, подтянут, и работа, наверное, есть, судя по папке с костюмом». Она обожала мужчин в костюмах, даже в домашних фотоальбомах она везде стояла, обняв очередного кавалера в костюме за шею, слегка приподняв правую ногу каблуком вверх. Пришлось снять очки, чтобы получше разглядеть его, словно он был какая-то достопримечательность на фоне неинтересного пейзажа. Заметив взгляд незнакомой девицы, Сергей посмотрел на неё оценивающим взглядом и тоже подумал: «Хороша чертовка, даже слишком хороша, в моём вкусе. Может, познакомиться? – промелькнуло у него в голове. – Хотя шансов, конечно, мало, женщины не любят знакомиться на улице, но всё-таки попробовать можно, конечно, авось...» Сергей Семёнович был человеком практичным, с высшим образованием, высоким лбом и залысиной на макушке, которую можно было увидеть разве что только сверху. К пятидесяти годам он бы очень походил на католического монаха, но сейчас ему было тридцать лет, был он полон энергии и оптимизма, друзья и знакомые ему предсказывали блестящую

служебную карьеру. Жена, теперь уже бывшая, была дочерью его непосредственного начальника, да и сам он был парень не промах. Теперь же, по семейным обстоятельствам, будущее его было туманно. Желая окончательно порвать с ненавистным теперь прошлым, он искал себе новую спутницу жизни и намеревался даже поменять профессию.

«Блин, как же подойти к ней... Да, давно я не знакомился с женщинами, всё позабыл, – стучало в голове. – Может, предложить ей застраховаться? Ну да, хороший повод, на автобусной остановке страховать людей, из-за этого развода я вообще голову потерял... И всё-таки как познакомиться? Может, в кафешку предложить сходить? Так сразу – и кафе, кофе, вискарь, последний стакан, ну а потом можно и в постель! Нет, не годится, давай что-нибудь поинтереснее, и думать надо тоже порезвее, пока автобус не пришёл. Спросить у неё маршрут какого-нибудь автобуса до кольцевой? Глупость, глупость, глупость!»

Наташа Семенович была человеком страстным, влюбчивым, хороша собой, стройна, прекрасно знала себе цену, но в жизни была неудачлива. Мужчины, которые были у неё в жизни, постоянно ей изменяли, последний раз даже с близкой подругой. После каждого очередного разочарования она зарекалась, что это последний раз и следующий её мужчина будет за пятьдесят, с хорошим положением, пусть даже слегка больной, и тут же представляла себе, как она ухаживает за старым мужем, и он в благодарность ей целует руки, называет «ангел ты мой», со слезами шепчет:

– Что бы я делал без тебя!

Но проходило некоторое время, и она снова влюблялась в молодого повесу, заводила с ним связь, и всё начиналось сначала.

«Он на меня так смотрит, что сейчас на кофте дырку прожжёт. Интересный мужчина. Интересно, сколько ему лет? Да какая разница, все они одинаковые, слова, цветы, секс, «можно я пока у тебя поживу», день рождения у подруги, секс с подругой, ну Валька, сучка, я тебе этого никогда не прощу, скандал, развод... А парень он ничего так, видный, умный, наверное, с таким и в театр можно сходить, и в картинную галерею, укатить за город на уикенды с друзьями. Нет, с друзьями никуда, хватит с меня Вальки, ух, сучка, всю жизнь мне завидовала, наступать на одни и те же грабли – я не садовник, и грабли не мой любимый инструмент на даче. Я бы сказала даже красавчик, носки меняет, наверное, каждый день, или такой же пройдоха, как и остальные. С утра на автобус? Подозрительно... Денег нет, на общественном транспорте катаемся, а может, у него машина испортилась, может, но вряд ли, у таких и машина не портится».

Тем временем Сергей Семёнович как бы невзначай стал потихоньку продвигаться в сторону, где стояла Наташа.

«Может, пошутить, попросить, чтобы она меня разбудила своим звонком часов в девять, нет, лучше десять? Полная глупость. Кажется, мы с вами садимся в один и тот же автобус каждое утро. Вы на флейте случайно не играете? Я тоже, какое сходство. Может, цветы подарить? До цветочного магазина далеко – пока дойду, куплю, она уедет. Может, с клумбы нарвать где-то рядом? Оштрафуют ещё... Вы очень красивая, а мы ещё незнакомы. О-о-о-о! Автобус подъезжает, надо спешить».

– Девушка, девушка!

– Да! Я вас слушаю, – с изумлением сказала она.

– Извините, пожалуйста, мы с вами уже где-то встречались?

– Да пошел ты! – ответила Наташа, поднимаясь в автобус.

Трубач и солнце

Он был стар и одинок. Безжалостно израсходовав всё, что ему полагалось от бесценной ленты жизни, её оставшуюся часть он решил провести тихо и мирно в таком же старом доме, как и он сам, в ожидании неизбежного конца. Деревушка, где жил старик, была маленькая и полупустая, когда он туда пришел и как там поселился, не помнил никто, он был угрюм и молчалив, не общался ни с кем, «здравствуйте» и «до свидания» были порой его единственными

словами за весь день. И люди отвечали ему тем же, недолюбливали, сторонились. Старость не радость, а с одиночеством в паре – просто беда. Его дом с покосившейся крышей был на самом краю деревушки, у самого берега океана, дюна, на которой он стоял, была сильно подточена волнами и грозила обвалиться в любое время. Местная молодёжь уходила на заработки в город и оставалась там и только летом вспоминала родителей, посылая внуков на каникулы к своим старикам. Одной из них и была Элена, маленькая светлая девочка с глубокими, не по-детски выразительными глазами цвета самого океана. Вот и сейчас она идёт босиком по песку с маленькой плетёной корзинкой в руке, накрытой внутри цветным вышитым платочком, она идёт и поёт песню, которую сочиняет сама на ходу, про океан, про чайку, которая ищет своих друзей, пропавших в бурю. Песенка получается неуклюжей, и это раздражает её. Гневно потрянув белокурыми кудрями, начинает заново и снова пробует, ища подходящие слова и мелодию.

Серая чайка, верная спутница моря,
Больше нет твоих добрых друзей.
Ты мечешься, ты кричишь от боли и горя,
Жить у моря без них тебе стало трудней.

У старика была странная привычка каждое утро выходить на берег океана к восходу солнца и играть на старой, потускневшей от времени медной трубе. Он аккуратно открывал потёртый от времени кожаный футляр, осторожно вынимал по-старчески плохо слушающимися руками дорогой его сердцу инструмент и, набрав как можно больше воздуха в лёгкие, играл на нём гимн восходящему светилу. Эту мелодию выдумал он, когда был молодым и состоял в городском оркестре моряков, она была торжественной и пафосной, но она нравилась солнцу, и оно улыбалось ему, нежно лаская своими первыми лучами его седую голову. Его суровое обветренное лицо моряка с многочисленными шрамами, глубокими морщинами прояснялось, разглаживались надутые восковые щеки, которые ещё сильнее вдували воздух в трубу, чтобы она звучала восторженнее и громче. Ворчун океан из зависти иногда заглушал звуки трубы шумом волн, но даже ему было не под силу переиграть упрямого старца. Лишь только тогда, когда солнце полностью выходило из воды и висело красным шаром над океаном, он отходил от моря и садился на полузарытый в песок обломок старого немецкого дзота, оставшегося после войны, и долго смотрел туда, где небо и океан сливаются в горизонт, время от времени улыбаясь, вспоминая что-то из прошлых дней своей молодости. Жители деревни привыкли к звуку трубы по утрам и называли его старым чудачком, смеялись над ним, подшучивая с издёвкой.

– Здравствуй, Герман!

– Это ты, Элена, здравствуй, – отозвался он, прищуривая подслеповатые серые глаза.

– Я принесла тебе немного козьего сыра и молока с хлебом, ты ещё не завтракал, непослушный старик? – нахмутив брови и сделав деланно строгое лицо, спросила она.

– Спасибо, доброе сердце, я знал, что ты скоро придёшь.

– Ты должен пить молоко, я проверю, – не менее строгим голосом продолжала она. – Я видела передачу, где говорили, что у пожилых людей не хватает витаминов и кальция, из-за чего у них становятся хрупкими кости.

Старик продолжал смотреть на океан, его лицо стало вдруг безучастным и холодным, серые выпцветшие глаза, казалось, превратились в две льдинки.

– Ты знаешь, Герман, когда я вырасту, я выйду замуж, мой муж будет моряк, как ты, я буду сидеть на берегу и ждать каждый вечер его возвращения.

Старик внезапно засмеялся приглушённым смехом, который вскоре перешел в сухой кашель с одышкой.

– Ты смеёшься надо мной?

– Нет, Элена, я старый и больной, всему есть начало и конец, и в один день я уйду навсегда. Есть на другом краю океана страна, Индия называется, там люди верят в реинкарнацию:

в то, что человек, умирая, превращается в кого-нибудь другого. Если это правда, то я превращусь в чайку и буду продолжать рыбачить, прилетать на берег и любоваться маленькой Эленой.

– Не умирай, старик, я не хочу, чтобы ты стал чайкой, я хочу, чтобы ты жил долго-долго, как океан, – прислонилась она к его плечу. – Кому ещё я буду рассказывать мои глупости?

– А я – мои! – воскликнул старик, и они оба засмеялись весёлым смехом, как смеются только дети, а с ними вместе смеялось солнце и океан, и им было всем хорошо и тепло как никому на свете.

Кончилось лето, и пошёл дождик, море было взволновано волнами, они выкатывались на берег и уходили в песок, оставляя жёлтую пенку за собой, а он плакал мелкими каплями в хмурый океан, который начал выплёвывать свое неудовольствие грязной пеной на песчаный берег. Волны стали доходить до самой дюны, маленький дождик перерос в ливень со шквальным ветром, заливая всё вокруг, превратился в ураган, который в свою очередь стал ломать и крушить, падали целые деревья, даже реки повыходили из своих берегов, заливая поля и леса. Океан буйно, с остервенением набрасывался на песчаный берег и дюну, довольно-таки сильно подмыв её со стороны, где жил старик. Казалось, он хотел унести покосившийся домик к себе, в океан. Шёл седьмой день разыгравшейся не на шутку стихии. Первыми заметили исчезновение старика соседи, чей дом был рядом. Безуспешно стучались они в дверь и звали его, а потом сквозь ветер и ливень они бежали от дома к дому и спрашивали у жителей, знает ли кто-нибудь о старике, кто его видел последним, и тогда вместе со всеми они решили взломать дверь его дома, вошли вовнутрь. Старик был мёртв. Он лежал на железной кровати, прижав трубу к груди, и остекленевшими глазами смотрел в потолок. Сельский плотник наскоро сколотил из неотёсанных сосновых досок гроб, и его сразу начали хоронить. Когда выносили тело старого Германа, внезапно прекратился дождь и появилось солнце, оно своими ещё робкими лучиками после дождя прощалось с ним, рассеянно освещая поваленный лес и дорогу, где было сельское кладбище, даже разбушевавшийся океан стал успокаиваться, откатился назад, оставляя на берегу обрывки мёртвых водорослей и осколки разбитых ракушек.

Был пасмурный день, чайки восторженно кричали и кружились над головой златокудрой девушки, которая кормила их кусочками чёрствого хлеба, кидая в море. Они были голодные, вот уже третий день штормило, и они не выходили в море, понуро сидели, собравшись кучками на песчаной отмели. Лишь одна чайка, стоя на одной ноге за спиной девушки, внимательно наблюдала за ней блестящими бусинками своих подведённых красными контурами глаз.

– Элена, я тебя искал, еле нашёл, ты опять кормишь этих воришек?

– Не говори так о чайках, они хорошие, а если и стащат иногда у рыбаков селёдку, то только потому, что из-за нас в море всё меньше и меньше рыбы, я люблю чаек, они мои добрые друзья.

Твёрдая мужская рука с синей татуировкой якоря и именем «Элена» на плече обвила тонкую девичью талию и притянула её к себе. Посмотрев ему в глаза, она с нежностью прильнула к нему, и они слились в медленном протяжном поцелуе. Серая чайка, та, что стояла на одной ноге сзади, с криком взмыла в небо и, опустившись, понеслась по океану, крича и плача, касаясь концами белых крыльев пенистых волн. Ей вослед, улыбаясь, шелестел о песок океан и смеялось игривое солнце.

Один день студента перед экзаменом

– Бери свой чемодан в зубы и уматывай отсюда, чтоб твоего духа тут больше не было.

– Маринка, а зачем в зубы, я и в руках могу его понести, – с сожалением ответил он.

– В руках ты конспекты понесёшь, у тебя экзамен завтра, не забыл, надеюсь?

– Да, конечно, Маш, Машенька, Мария, не было ничего между нами, клянусь – так, потискались чуть-чуть – и всё, – с надеждой проговорил он.

– Вот завтра на экзамене и потискаешься, а с меня хватит, корми, пои этого альфонса, а он ещё подруге юбку задирает будет! Вон отсюдова, чтоб духу твоего тут твоего не было!

Дверь с треском захлопнулась прямо перед носом незадачливого студента.

– О! Петрович, какие люди, заходи, братан. Да, я смотрю, ты с чемоданом! Попёрли, что ли? – с любопытством спросил он. – Эх, где наша не пропадала!

– Да, вообще совесть потеряла, – со вздохом prorонил Петрович, не отводя глаз от бутылки с водкой на столе. – Прямо перед экзаменом вытурила. А я смотрю: вы тут празднуете что-то!

– Так ты же сам только что сказал – экзамен завтра, а экзамен для нас – не всегда праздник, вот подзаняться решили. Славик, дай стул человеку, он поди устал с дороги. Пить, конечно, будешь? Налейте человеку, у него жажда!

В дверь кто-то тихонечко постукивал: казалось, отбивал азбуку Морзе.

– Кто там? Открыто!

Дверь стала медленно открываться, в проёме показалась кудрявая девичья голова, с заспанными глазами и многочисленными веснушками по всему румянному лицу.

– Ребята, у вас яйца есть? Ольга яичницу делает, трёх яиц не хватает, мы вернём, завтра же, возвратим, честное слово.

– Парни, сознавайтесь, у кого три яёца! – торжественным голосом спросил Винт, обводя сидящих удивлёнными глазами.

Дверь тут же с хлопком закрылась. Через минуту она снова открылась, в ней оказалась та же кудрявая голова, но с озорными искорками в глазах.

– Ребята, ну серьёзно, нам надо на вечер – Катя кекс должна приготовить.

– Парни, кто знает разницу между кексом и сексом? – не менее торжественным голосом переспросил Винт.

– В яйцах, в их количестве, в их качестве, свежести!

– Неправильный ответ. В одной букве, филологи хреновы! Всему вас учить надо.

– Витя, ну Винтик, серьёзно, нам очень нужно, – взмолилась девушка

– Марыся, ну где я тебе сейчас яйца найду! Ну подумай.

– Ну так бы и сказали, что нету, – с досадой сказала она.

– Ну почему, они есть, но абсолютно непригодны ни для варки, ни для жарки!

Дверь снова закрылась – в этот раз, кажется, надолго.

– Ну что, виночерпий, разливай, будем пить, борьба с зелёным змием временно откладывается на неопределённый срок.

– А закусь есть? Колбаса какая-нибудь или, может, ещё чего.

– Есть, паштет шпротный с хлебушком чёрным. Мировая закусь! Что-то закралось у меня подозрение, будто расслабился ты малость у любви своей, разнежился. Петрович, может, у тебя замечания есть какие, по столу, например: как накрыт, что стоит, не так лежит?

– Ну что вы, пацаны, всё нормально, это я так, просто спросил.

– Так выпьем же за тех, кто в море, за моряков и их жён и подруг! – сказал он, не морщась, опрокидывая стакан водки в рот. – Кстати, Петрович, пока тебя тут не было, – аппетитно хрустнув огурчиком, продолжал Винт, – у нас Лёха влип в историю одну. Пошёл наш друг в гости к подружке на первый этаж, к новенькой с параллельного потока, и назюкался он там от души.

– Лёха, может, ты расскажешь?

– Да рассказывай, чего там, – сказал он с лукавой ухмылкой на лице.

– А что пили, Лёша?

– Разное там было, отец у неё моряк, ну и привёз из загранки, – нехотя начал вспоминать Лёха. – Виски, ром, джин голубой...

– Принесла она это добро в общагу, – продолжил Винт. – Попили, полюбились и заснули в объятиях друг у друга. Будит она его в два часа ночи и говорит: иди-ка ты, Лёша, спать к

себе, а то проверят ещё, будут у нас с тобой неприятности. Стал он подниматься по лестнице и этаж спросонья перепутал, вместо нашего поднялся этажом выше, так было?

– Так, так, – утвердительно закивал головой Лёха.

– Вот заходит он в комнату и, свет не включая, чтобы нас не будить, начинает раздеваться, потом ныряет в постель, а там кто-то есть, ну и подумал на меня, говорит: «Винт, вставай, ты что тут делаешь?» А там девчонка лежит и как заорёт: «Спасите, насилуют!» Лёша не поймёт, в чем дело, из постели, как ошпаренный, выпрыгивает, свет включается – и стоит Ромео в трусах в бабской комнатке, окружённый разъярёнными женщинами, которые кидают в него что попало: и чашки, и ложки, и подушки. Лёх, так же было, а?

– Так оно и было, одна из них мне прямо в пах туфлей попала, лахудра злая, знала, куда кидать.

– Здесь, братцы, понял он, в чём дело, бросился бежать наш братан со всех ног к нам, хмель да сонливость как рукой сняло, вбегает в трусах, орёт, как ошпаренный

: «Спаси, Винт! Ни за что пропадаю! Помоги!» Пошёл я к девчонкам и говорю: так вот да этак, ошибся человек дверью, с кем не бывает, простите грешного. А они отвечают: мол, была попытка изнасилования, есть свидетели и вообще – мы девочки с юрфака, а сами смеются. Я представился им как будущий дипломат, сразу предложил взятку. И началось борьба как бы между Черчиллем и адвокатом Плевако, сначала они требовали банку чёрной икры с шампанским, но я спустил до киевского тортика с вином, на пиво с воблой они никак не соглашались. В общем, одежду отдали, но колёса ни в какую, оставили под залог. Теперь он третий день ходит в тапочках на занятия, из принципа, – закончил он под всеобщий хохот.

– Кто тут ответственный за бутылку? Наливай! За что пьём, парни? Давай, Славик, теперь твой черёд тост толкать.

– Давайте за пятерых лосей!

– А это как? – спросили с недоумением.

– Ну вы даёте, хлопцы! Чтобы училось, спалось, е...сь, пилося и любилось!

– Вот филфак жарит, нам, дипломатам, далёко до них! Петрович, так что там у тебя случилось-то?

– Да так, заженить меня хотела, ну я и дёру дал.

– Жениться нашему брату студенту никак нельзя, – задумчиво произнёс Славик. – В институте хвосты сразу появятся, жене внимание уделять надо.

– Петрович, брось лапшу друзьям на уши вешать, мы ж тебя не первый год знаем, это которая у тебя по счёту, а?

– Да бес попутал, парни, не виноват я.

– Я так и знал, блин, неисправимый ты человек, Петрович! Колись, как было дело?

– Сидел я дома тихо, никого не трогал, занимался, как раз экзамен должен быть у Горыныча. Ну, думаю, прочту конспекты чуток – может, пронесёт, а то он с женой развёлся, лютует теперь, говорят. Машка на работу свалила, я один, тишина, никто не мешает, сижу себе, грызу гранит науки, мечтаю – может, стипендию подымут. Звонок, открываю: соседка стоит с полотенцем, с третьего этажа, симпатичная девчонка такая, пару раз у Маринки была на дне рождения – так на посиделках пару раз общались. И говорит, что воду отключили у них, авария, сосед залил водой соседа. «Можно я у вас душ приму, а то на работу идти скоро?» «Проходите, – говорю, – купайтесь себе на здоровье». А сам пошёл заниматься в комнату к себе. Не прошло и трёх минут, слышу – кричит: «

Сенечка, ты мне спинку не потрёшь?» Зашёл я в ванную комнату, она сидит, волосы распустила и говорит: «

Ты глазки закрой и не подглядывай, потри спинку и выходи сразу же». Ну, я закрыл глаза и пошёл в её сторону, на ведро налетел, чуть не упал, а она смеётся. Стал я ей спинку натирать.

«Вот тут потри, Сенечка, вот тут пониже». Потом говорит: «Ты глаза-то открой, или что, вообще дурак? И чему вас там в институтах только учат?» Как стала одежду с меня срывать! И плюхнулся я вместе с ней в ванну, минут через пять Машка, как бешеная, влетает, что было дальше – оставляю на ваше воображение, господа гусары, *un peu d'imagination*. – Я представляю, – сквозь неудержимый хохот проговорил он. – Тут и воображения не надо, одна реальность. Ну, Петрович, развеселил ты нас, теперь твоя очередь тост гнать.

– Робцы, давайте выпьем за то, чтобы, как ни шли бы мы к знаниям, какая бы ни была бы лекция интересная, а всё равно нас к девчонкам тянуло!

– Молодец, Петрович! Вот это в тему! За прекрасный пол! За женщин!

– А что, у тебя серьёзно экзамен у Горыныча?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.